

ЗНАКОМЬТЕСЬ И «НЕ СУДИТЕ СТРОГО»: ИМАН НАСИРИ

С.В. ПРОЖОГИНА

Доктор филологических наук
Институт востоковедения РАН

Ключевые слова: современная марокканская художественная литература, Иман Насири, сборник новелл «Не судите меня строго», дихотомия «традиция-современность», «Восток-Запад»

Первый сборник новелл Иман Насири так и назван - «**Не судите меня строго**» (*Iman Naciri. Ne me jugez pas!* Casablanca, 2012). Словно обращаясь к своему читателю, начинающий автор надеется на снисхождение к его литературному мастерству, - ведь Иман Насири (р. 1976) по профессии своей, казалось бы, далека от художественного творчества: она - «магистр маркетинга в сфере коммуникаций», т.е. из среды интеллигенции, скорее «технологической», чем гуманитарной. Но очевидно не только, что Иман Насири - из поколения тех «новых женщин» Марокко, которые полагают, что образование для них так же насущно в современном мусульманском обществе, как и для мужчин, и что работать женщине важно и для себя, и для своей семьи, своих детей, что ее «общественное предназначение» открывает и ее собственную дорогу в мир и ее саму - для него.

Иман Насири - еще один яркий пример тех умных и талантливых женщин Марокко (и наш журнал уже имел честь представить немало их имен*), которые пополняют ряды современных литераторов, поскольку для них именно их основная профессия (социолог, архитектор, адвокат,

врач и пр.) дает возможность для наблюдений и осмысления происходящего в близком им и постоянно меняющемся мире, приводит к желанию запечатлеть те его моменты и образы, в которых отражено не только уходящее или неизбежно наступающее новое время жизни, но и остающиеся неизменными атрибуты ее национальной традиции и менталитета марокканцев.

Посвящая книгу своей семье - родителям, мужу, детям, родственникам и друзьям, Иман Насири в предисловии к одной из новелл своего сборника написала в январе 2012 г.: «Марокканское общество изобилует сюжетами для литературы. Повсюду встречаешь людей самых разнообразных: и безработных, и забияк, и правозащитников, и целомудренных, и мечтателей, и оппортунистов, и экстремистов, и поэтов, и безумцев, и ленивцев, и эгоистов, которые попадают и среди молодежи, и среди стариков. Они есть везде, во всех обществах.

Но только в Марокко люди любят жить между двумя мирами. Думать о том, что «здесь», но и о том, что «там». Размышлять по-мароккански, но хотеть жить по-европейски. Мы очень дихотомичная страна. Нас мучат и разум, и страсть. Желание быть «другим» и в то же время необходимость оставаться таким же, «как все» (с. 6).

В основном все короткие рассказы из сборника Иман Насири, так или иначе, показывают эту «дихотомию», в которой она видит основную приметную черту современной жизни своей страны.

Всего несколько «зарисовок» этой жизни из двух десятков, включенных в сборник, которые мы предлагаем читателям журнала («Адиль Гевара», «С хорошим настроением», «Наследник»), на наш взгляд, свидетельствуют не только о незаурядном психологическом мастерстве начинающего автора, избравшего малую повествовательную форму (одну из самых трудных в литературе!) для «коммуникации» своего свидетельства об окружающем мире.

Главное в этом свидетельствовании - пристальный и небезразличный взгляд на жизнь своих современников, реалистически острая типизация примет и старого, и нового, искреннее чувство и любви, и понимания, и сострадания, и иронии к своим соотечественникам, что связывает Иман Насири с теми поистине смелыми и даже отважными марокканками, которые определяют лицо современной художественной словесности Марокко, в творчестве которых запечатлен сегодня образ этой удивительной страны во всей своей полноте и специфике.

* Подробнее см.: Азия и Африка сегодня. 2001, № 3; 2008, № 10; 2009, № 4; 2011, № 4.

ИМАН НАСИРИ

(Марокко)

АДИЛЬ ГЕВАРА*

Мне девятнадцать лет. Я выхожу на улицу и вместе со всеми скандирую лозунги, резкие, как кинжал, которым мы хотим уничтожить все отвратительные пороки нашего общества. У нас нет нефти, да, мы не столь богатая страна, как страны Ближнего Востока, но мы, молодые, хотим работать и что-то делать для нашей страны. А нам не позволяют участвовать ни в политической жизни, ни находиться во властных структурах. И вот я кричу еще громче, выкрикиваю лозунги так, чтобы все меня слышали, чтобы было слышно всех нас, молодых. Меня тошнит от этих богатеньких сынков, и я не хочу стать богатым только для того, чтобы учиться в частной школе. И не хочу использовать свои немногочисленные знакомства, чтобы лечиться в частной клинике.

Скоро я получу свой диплом. И надо будет искать работу. Но как? Не знаю, кто мог бы мне помочь. Да во мне и нет ничего такого особенного. И во Францию я не хочу слинять. Потом ни здесь, ни там своим тебя считать не будут. Хотелось бы купить квартиру. Но очень дорого. Надо бы обзавестись и машиной. Но это вообще немыслимо, какие деньги... А так хочется попутешествовать! Но даже мечтать об этом не приходится. Просто задыхаюсь от всех этих невозможностей. Вот и борюсь каждый день. Выхожу на демонстрации. Мои соратники зовут меня Адиль Гевара. Потому что я тоже хочу, чтобы моя страна, Марокко, вышла на дорогу прогресса, чтобы сумела освободиться от тех своих язв, которые покрыли наше общество. Хочу, чтобы все перестали лицемерить. Хочу, чтобы все - и парламентские депутаты, и министры, и чиновники, ну все-все почувствовали свою ответственность, чтобы смогли объяснить, откуда берутся все наши беды...

Я полагаю, что «наверху» думают об этом, размышляют, что и как

лучше сделать... Но когда же мы дождемся изменений? Сколько еще нам терпеть?

Позавчера встретился со своим товарищем Хамзой. Он всегда стоит в одном ряду со мной на демонстрациях. Сказал мне, что хочет меня видеть сегодня вечером, в восемь часов ровно, у себя дома. «Не в кафе», - повторил он несколько раз. А именно у него дома. Наверное, он что-то придумал новенькое, хочет с нами поделиться, подготовить наш новый «бросок». Я и сам уже подумывал над тем, что можно изменить в нашей тактике. Может быть, и нам стоит пойти всем прямо к парламенту, расставить везде тележки, которые используют торговцы овощами, кочуя с рынка на рынок в разных кварталах города, потом зажечь на них факелы, чтобы напомнить о том, как началась тунисская революция*, дать там всем понять, что мы постоянно за себя, что нас не так просто сломить... Да, именно так. Пойти всем туда, но не для того, чтобы умереть, а чтобы жить... Нам надо оживить дух нашего настоящего патриотизма, напомнить о тех марокканских борцах за независимость, которые отдали свои жизни делу освобождения, которых ссылали, убивали, но целью которых было спасение нашей страны. Во имя свободы мысли...

«Не в кафе!» Да, наверное, речь пойдет о подготовке какой-то серьезной операции, которая должна пока быть секретом. Ох, поскорее узнать бы!..

19 час. 40 мин. Я уже стою около его подъезда. Поднимусь к нему ровно в восемь. Не хочу, чтобы он думал, что я слишком нетерпелив. Надо себя контролировать. Умрить пыл своих эмоций.

19 час. 50 мин. Что-то набираю на своем мобильнике без всякого смысла. Не могу сконцентрировать

внимание. У меня мурашки уже бегают по телу. Я начинаю дергаться. Прохожие могут подумать, что я сбежал из сумасшедшего дома.

19 час. 52 мин. Я быстро заказываю стаканчик кофе с молоком в кафе напротив, но официант что-то медлит. Уже три минуты, как не несет мой кофе. Я начинаю нервничать. Кричу ему, что, если он не может побыстрее, я уйду, мне уже ничего не нужно! Он ехидничает, отвечает, что «вы, мол, здесь все куда-то очень спешите». Потом я замечая, что у него на щеке дрожит жилка, что он постепенно наливался гневом, но я сегодня вовсе не имею намерения ни драться, ни скандалить. Приду сюда завтра и разберусь с ним.

Кофе он принес в 19.55. Время показалось вечностью. Нескончаемые минуты. Я медленно начинаю пить кофе, потом опрокидываю его в горло одним глотком.

19 час. 58 мин. Ну, вот. Мне как раз хватит двух минут, чтобы подняться пешком по лестнице до квартиры Хамзы. Подняться, разумеется, не спеша. Так, чтобы не задохнуться, чтобы хватило дыхания на предстоящий важный разговор.

20 час. Звоню в дверь. Один, потом два раза.

Слышу голоса. Гениально, значит, нас много, не я один. Объединим наши усилия. Странно, что он мне не сказал пароль. Но это не важно. Наверное, там все свои.

Внимательно прислушиваюсь. Не хочу пропустить ни одного слова, ни единого звука. Надо знать, о чем они там дискутируют. Я всегда бдителен, всегда настороже. На лестничной площадке, стены которой когда-то были белыми, раздаются эхо их голосов. Слышу голос Хамзы, который мне кричит, что дверь открыта... Я толкаю ее и захожу в комнату, не страшась, что навстречу мне, как в сказке, выскочит волк... Улыбаюсь... Прохожу дальше. В спальню. Там Хамза сидит один. Я скромно и робко приближаюсь к нему. Жду, когда он начнет свое сообщение. А он предлагает мне выкурить сигарету. Мне кажется, что он играет со мной. Я краснею, как мак. От нетерпения. От

* Adil Guevara // *Imane Naciri*. Ne me jugez pas! Casablanca, 2012.

* В Тунисе молодой безработный, унаследовав от покойного отца тележку зеленщика, пошел торговать овощами в центр столицы, но его прогнали полицейские. Тогда он в знак протеста облил себя бензином и сгорел, как факел, что стало сигналом к восстанию молодежи в 2010 г. (прим. С.П.).

гнева. От обуявшей мою душу революционной страсти. Я ведь уже как бы погрузился в ситуацию, вошел в роль бойца...

А Хамза вынимает какой-то листок из ящика своего письменного стола. Наверное, это генеральный план действий, отпечатанный на пишущей машинке. И в нем - о той роли, которая отведена именно мне... Но я замечаю в уголке листа какой-то зеленый логотип. Что же это может быть за организация?! Уж не разыгрывают ли меня?! «Ну так как? Это тебя интересует?» - спрашивает Хамза. Я взглянул на лист бумаги. Это было предложение о найме на работу для оператора какой-то телефонной компании. Прочитал текст по диагонали. Быстро что-то подсчитал в уме. Мой диплом я должен получить через четыре месяца...

А он добавил: «Моя кухня там работает. Говорит, что атмосфера подходящая. Ребята там приличные. Симпатичные. Словом, место вполне стьющее для таких молодых, как мы. Ведь не будешь же ты вечно шляться по демонстрациям, изматывать себя всю жизнь?! Ну, отвечай! Да не волнуйся ты! Другие подхватят огонь твоего факела!»

Теперь снова время словно застыло. Мне захотелось, чтобы кто-то перенес меня в другое пространство. Но в эту секунду он мне протянул этот листок. Сказал, что ему надо быстро подобрать по этому запросу троих ребят для того, чтобы уже на следующей неделе они прошли собеседование в компании. И эти трое будут он, я и кто-то еще из его друзей. «Так ты согласен, или нет?» - обратился он ко мне.

Но кто же встанет в первый ряд демонстрантов вместо меня? Кто займет мое место в борьбе? У кого будет кровь кипеть так, как моя? Кто будет кричать в микрофон, что надо изменить мир? Кто будет требовать перемен в жизни нашей страны? Кто изменит ее, если все так же, как и я, покинут корабль нашей, еще не законченной битвы?

Когда-то я написал стихи: «Есть те мечты, которые рождаются, когда ребенком видишь звезды в небе. И есть мечты, что умирают, когда по глупости своей их разрушаем мы, взрослея. И все-таки не все мечты убить возможно. Они - сильнее нас. Особенно такие, что увлекают нас в края другие, другие времена,

зовя вперед. Мне скоро двадцать. И я, не ведая преград, люблю дорогу эту. Люблю искать. Идти обрести мечты своей свершенью».

Теперь моей мечтой стало покончить с этим маразмом, в котором я жил в последнее время. Я хочу жениться. Хочу иметь детей. Дом, машину. Хочу иметь работу, хорошо зарабатывать, не зависеть больше от родителей. Хочу, наконец, жить в моей стране и преуспеть в жизни.

Я буду работать денно и ночно, чтобы добиться поставленной цели. Буду гнуть спину и шею, сломаю себе хребет, но осуществляю эту детскую мечту. Пойду на это чертовое собеседование. Постараюсь понравиться и ответить на все вопросы.

И тогда выкипит из моей башки вся эта моя революционная страсть, охладится весь этот мой пыл борца за справедливость. Буду влиять на систему нашего мироустройства потихоньку, изнутри ее самой... Я не откажусь от своих идей. Просто я дам им нормально созреть. Очень хочется стать каким-нибудь министром. И я начну свое продвижение вверх с нижней ступеньки лестницы...

С ХОРОШИМ НАСТРОЕНИЕМ*

Мне сорок лет, я женщина, которая в свое свободное время любит прогуляться по улицам города, походить по магазинам, по рынку, поболтать и поохотиться с продавцами овощей, послоняться вдоль витрин больших торговых центров. Марокканские улицы - особенно в старой части города - это настоящее кипение жизни, которое обостряет в человеке все чувства и ощущения, но главное - его зрение и его речь. Всё в тебе словно пробуждается, всё будто видишь заново, со всеми хочется поговорить, а всем - с тобой. Выслушать о чем-то твое мнение, а тебе становится необходимо услышать, что думают о тебе другие. Я даже порой чувствую, что нуждаюсь в этом, завишу как-то от улицы, что ли...

Хотя иногда это меня угнетает. Вот, к примеру, этот несчастный торговец бумажными носовыми платками. Когда у него хорошее

настроение, он говорит мне комплименты, а когда плохое - бросает в лицо всякие грязные ругательства... А другие торговцы - жареными каштанами (холодными почему-то), хлебом или яйцами, виноградными улитками в густом томатном соусе сомнительного цвета - беспокоятся о моем здоровье, самочувствии так, словно и их физическое состояние может быть мне не безразлично.

Все мне улыбаются, когда я иду по старому городскому рынку. Все мне кивают головой. Все смотрят на меня, оценивая мою фигуру, мои бедра, мою грудь. Называют иногда меня «лакомым кусочком»... Это мне нравится. Мне даже кажется, что это прозвище мне очень подходит. Я - и действительно «лакомый кусочек», и все мое тело давно созрело для того, чтобы им наслаждаться...

Вот какой-то бородач (из «братьев-мусульман», наверное) уставился на меня. Видно, размышляет о том, где мне придется гореть в аду; а может, наоборот, где и когда, в каком раю мы встретимся?

Надо отдать должное и продавцу газет. Когда он видит меня, то словно теряется и начинает молиться почемучему-то. Может, надеется, что хотя бы мысленно Бог поможет ему представить меня без платья? Ведь Богу все дозволено, и Он во всем обходится сам, без посторонней помощи...

Но вот для меня наступает и довольно трудный момент. Это когда я прохожу перед кафе, на террасе которого сидит дюжина клиентов, мужчин, разумеется, с арабской газетой в руках. Они могут часами отхлебывать из чашек свой кофе с молоком и проводить здесь свое время, разглядывая прохожих, делая ставки на лошадей в ближайшем забеге на ипподроме, надеясь выиграть хоть несколько несчастных дирхам, которые они тут же истратят. А что, ведь деньги достались им просто из ничего...

Они покуривают дешевые сигареты, деля каждую на три части. И главное - развлекаются, глядя на проходящих мимо кафе женщин. Им все равно, какие они. Лишь бы отпустить какое-нибудь словечко им вслед. Чаше насмеваются. Но сами-то они, по существу, нищие. И им хочется, чтобы кто-нибудь одарил их своим нежным взглядом...

* Du courage // Imane Naciri. Ne me jugez pas! Casablanca, 2012.

И я напрасно стараюсь спрятать от их жадных взоров свою пышную грудь, прикрывая ее, или как-то одернуть платье, чтобы не так уж выступали мои бедра, и не так сильно материя облегла мои другие округлости... Но ничего не помогает. От них ничего не утаишь. И они все до одного, как мне кажется, теперь уставились на меня. Это не считая работающих напротив строителей, каменщиков, сооружающих еще один новый многоквартирный дом. Они просто состояются в изобретательности, судача по поводу меня, оглядывая мои прелести.

А вот кто-то из них, наверное, и в школу-то никогда не ходил, сравнил меня с ягодкой - клубничкой, которой, видно, тесно в лукошке... Это мне даже понравилось. Почему бы и нет? Красная такая, красивая ягодка, спелая и сочная... Мне даже захотелось похлопать в ладоши, услышав такой комплимент от простого парня. Но марокканцы вообще-то - народ поэтов, у них у всех замечательное воображение, чувство ритма и рифмы. Сообразительны. Порой просто очень даже умны. Используют все, чтобы понравиться женщине.

И пока я бреду по рынку, вдоль длинной улицы, пока дойду до поворота, где оставила свою машину, услышу из уст мужчин столько прекрасных слов, что сам Бодлер позавидовал бы. Наверное, уже не раз перевернулся в гробу в своей могиле... Но вот и последние сто метров. Навстречу мне движется стайка молодежи. Они все тоже устремляют свои взоры на меня. Превращаются мигом во взрослых самцов в своем племени. Развязывают языки, стараются превзойти друг друга в отпусках мне словечка и комплиментах... Им уже кажется, что я - у них в руках. Вот и пускают меня по своему кругу...

Слава Богу, добираюсь, наконец, до машины. Мой «крестный путь» окончен. Правда, остался еще сторож с автостоянки, который просто изощряется в вежливости и услужливости, прежде чем отпустить меня, получив свою плату, со словами: «Да хранит Вас Господь всегда такой прекрасной!». В руке его радостно позвякивает мелочь, которую я достала из своего кармана.

Прогулка моя по рынку законче-

на. Покупки сделаны. Приду ли сюда снова, в этот старый городской квартал, или предпочту в следующий раз супермаркет недалеко от дома, в двух шагах всего? Надо ли мне вообще совершать этот свой парад, на котором я чувствую себя победительницей? Зачем мне это? Но я себя хорошо знаю. Я избегаю безразличия и безмолвия приглаженных и припомаженных новых кварталов. Меня просто манят к себе шумная пестрота рынка, его гул, его дыхание, его запахи... Он - настоящий. Подлинный. Пусть грязный. Замусоренный. Потный. Но мне он нравится. Своими развалами, грудями овощей, своей суетой, своим голосом... Мне нравится выбирать, трогать спелые фрукты, вдыхать ароматы специй, пробираться вдоль рядов, обходя горки лежащего прямо на земле всякого барахла... Но главное, мне нравятся одобрительные возгласы мужчин, когда я прохожу рядом. Тогда мне кажется, что я всеми желанна. А ведь мне уже сорок... Но я здесь чувствую себя на двадцать. И мне здесь становится хорошо.

Конечно, я никакая не красавица, я знаю это. Но ведь я женщина. Просто женщина на одной из марокканских улиц.

НАСЛЕДНИК*

Я родился богатым: мой отец был богатым, и мой дедушка был богатым. Я - старший в семье, где много сыновей и дочерей. И мне все пришлось пережить - побои, наказания и запреты. Я все выдержал, чтобы расчистить дорогу свободы и независимости для моих братьев и сестер. И хотя я немало страдал, они говорят, что именно я воспользовался всем лучшим: много путешествовал, жил в роскоши... Это правда. Ведь я единственный в семье, кто учился, остальные были торговцами в старом городе. У них у всех были лавочки, где они продавали ткани, ювелирные украшения, традиционную одежду. Они не умеют говорить по-французски, но прекрасно обходятся и без этого; всех их хорошо знают в округе, и все они неплохо зарабатывают себе на жизнь.

Меня все зовут, как в египет-

* L'Héritier // *Imane Naciri*. Ne me jugez pas! Casablanca, 2012.

ских фильмах, «господином инженером». Я, действительно, инженер по образованию, работаю в городской администрации. У меня важная должность. Я разбираюсь в политике и в вещах «абсолютно непонятных», что заставляет всех в семье гордиться мной.

Когда умер мой отец, он оставил мне по завещанию деревянный ящик, в котором содержалось все наше достояние: бумаги, подтверждавшие документально наше право на владение домами, землями, другими богатствами, а также драгоценности, принадлежавшие моей матери.

После его смерти я вернулся домой поздно ночью, с мокрыми от слез глазами и с этим ящиком в руках.

Как и все, я никогда не думал о том, что придет день, и я потеряю отца, точнее, я просто думал, что он никогда не умрет. Ведь несмотря на его солидный возраст, он был жизнерадостен, часто хохотал, влюблялся... Но главное - он не был никому в тягость, не доставлял никому хлопот, никого не беспокоил. И вообще у него не было надобности умирать...

Но он, скончавшись в три часа утра, поручил мне заняться домом, наследством, моими сестрами и братьями. И я таким образом становился для всех человеком, которому никто не должен возражать, и чье слово - закон. Это, признаюсь, мне нравилось: стать заменой халифу, хозяину, патриарху. В четыре тридцать утра, когда я, наконец, понял, что произошло, я открыл этот ящик, доставшийся мне. Он был похож на кованный сундучок из сказок, содержащий волшебное сокровище, на таинственную сумку или мешок, в котором была тысяча карманов, скрывавших драгоценности... Но, в отличие от героев сказок, мне не надо было вызывать доброго духа, чтобы открыть сокровищницу и воспользоваться богатством. Отец стал сам моим волшебником. Ну, а теперь, им буду я.

Я оставил в ящике бумаги, касающиеся владений лавками, домами и земельными участками, которые я хорошо знал, а также драгоценности моей покойной матери. Но взял себе все остальное - документы, подтверждающие наше право на тысячи гектаров земли, о которых было известно толь-

ко отцу, на многоэтажные дома, недавно построенные в городе, на огромные магазины с застекленными витринами...

Все это я спрятал в мой личный сейф, который позволил себе купить, получив свою вторую зарплату. Речь не идет о тех тайниках, которые надо открывать особым ключом. Нет, я приобрел настоящий нескоряемый сейф, который можно открыть, только зная особую комбинацию цифр на его замке. Я обещал себе, что обязательно когда-нибудь набью его доверху деньгами, пока он сам не лопнет... Что я стану не менее богатым, чем мой отец... И вот теперь, когда он умер, я вдруг неожиданно быстро разбогател так, что мне больше не надо было думать о своем будущем.

На следующее утро я надел самый красивый свой кафтан, постарался хорошенько войти в роль старшего сына, которому было поручено позаботиться о семействе, оставшемся без отца. Я устроил пышные похороны, грандиозные поминки, на которых все рыдали. Но не только для того, чтобы соблюсти ритуал, - надо было видеть, что несчастье коснулось всех... И я видел, как плакали люди, которые отца-то моего даже не видели никогда. Но они много сейчас о нем говорили хорошего... У нас вообще есть люди, которые ходят с поминок на поминки, плачут, искренне соболезнают родственникам покойного. Обычно это какие-то бедняги, несчастные, и им уже ничего не стоит утопить свое горе в чужом, залив и его своими слезами... Бывают на похоронах и те, кому довелось видеть умершего не больше одного раза в жизни. Какие-то соседки, случайные знакомые, преимущественно женщины, которым любопытно узнать последние сплетни...

В тот день у нас и таких посетительниц было немало. Я их совершенно не знал, но они все запричитали, когда было разрешено увидеть тело покойного, завернутое в белый саван. Они мне напомнили плакальщиц старых времен, которых специально нанимали на похороны за определенную плату. В их обязанности входило растопить лед сердец всех присутствующих...

После похорон я занялся распределением полученного от отца наследства. Всё разделили поров-

ну. Братья выкупили у меня все свои лавочки, а мне в качестве премии достался дом, где жили родители - настоящая крепость, с большим деревянным порталом в старой части города. Я, конечно, перепродам этот дом французам, которые переделают его в модный сейчас павильон для своих гостей, а я буду обладателем вырученных за него миллионов. Все мои родственники увидели в моем замысле только пожар надежды на эти деньги. Кроме моей младшей сестренки, которой тогда исполнилось шестнадцать лет, но она была вся в меня, и ее живой ум прикинул сразу всю выгоду от этой сделки, когда она меня спросила, как я собираюсь поступить с родительским домом. И в ее пронзительных глазах немедленно засиял хищный огонек: она-то понимала, что деньги сильнее кровных уз... Она тогда и решила, что тоже будет учиться вместо того, чтобы быть обычной портнихой, как все женщины в нашем роду. Станет адвокатом. И не выскочит замуж, как ее сестры. Будет носить европейский строгий костюм, хорошо подчеркивающий фигуру, а не какие-то балахоны, предписанные традицией...

Я женился в 30 лет - слишком поздно для мужчин моего поколения; все уже давно меня считали заскорузлым холостяком. Мне подобрали девушку из приличной семьи, белокожую, тоненькую и хорошо воспитанную. Я сначала не отдавал себе отчета в том, что она не могла иметь детей. Только через три года, когда у нее снова случился выкидыш, я понял, что нас ждет. Но жена моя была так ко мне внимательна, так обходительна, так тепла и сердечна, никогда ничего не просила, что я не мог развестись с ней. У меня, конечно, были романы на стороне, интрижки с кузинами, которых я упросил сохранить детей, родившихся от меня. Я им хорошо заплатил. Эти две довольно дальние родственницы были тоже стройные, с ореховыми глазами и в чем-то очень походили на мою жену... Родили они мне пятерых детей, но обо всех них заботилась, как о своих, моя супруга, да дети и сами были очень похожи на свою приемную мать. Это были красивые и здоровые ребятки, сильные, умные, вежливые. Их было пятеро - хорошая цифра, она у

нас служит заклинанием от «дурного глаза», - мне они словно помогали избавиться от моих грехов... Никогда мы им не скажем, что женщина, которая занимается ими и днем, и ночью, - не их родная мать. Это было нашей тайной. Семейным секретом. Хотя и тягостным. Но он скрепил наши отношения на многие годы...

Но моя жена умерла. Рано ушла из этой жизни. Слишком уж страдала она от того, что не может сделать меня отцом своих детей. Настоящим мужем. Мужчиной. Как положено в настоящих семьях...

Ну, а что касается моих сестер и братьев, то у меня особой нужды встречаться с ними больше не было. Они жили каждый по-своему, но мне все одинаково завидовали. Слишком уж богатым я был, - полагали они...

Дети подрастали, но с ними у меня не было особых проблем. Они меня уважали. Старший сын, правда, был немного депрессивный. Но этому было оправдание: он ведь, как и все старшие сыновья, нес на себе груз ответственности за всю семью, на него возлагались все надежды, и он первым терпел все запреты, которые диктовала традиция. Но он чувствовал, что есть что-то особенное в нашей большой семье, хотя и не догадывался, что это, несмотря на весь свой ум.

Когда пришло время, дети женились, выходили замуж. Первые сыновья обзавелись женами в один год, что мне принесло необычайную радость. И их жены почти одновременно забеременели. Я следил за их здоровьем, старался, чтобы их не кормили, чем попало, не давали зеленый горошек в консервах, не разрешали есть клубнику в неимоверных количествах, не стряпали пирожков и пирожных на меду с орехами и изюмом... Все это лишние килограммы, которые откладываются в бедрах... Но они все равно толстели, много ели, и грудь их пышно расцветала... Сыновьям моим было все равно, кто у них родится - на это была божья воля, считали они, а потому будут рады и мальчику, и девочке. Я тоже радовался вместе с ними.

...Дети должны были явиться на свет почти одновременно. Наконец, послышались какие-то приглушенные крики, а потом и гром-

кий крик моих внуков. Бегу посмотреть на их сморщенные личики. Всё мне кажется таким маленьким: и носики, и ротки, и ножки, и все остальное. Девочку нарядили уже в белый ползунок с красивым вышитым воротничком. У нее были черные, местами с каштановыми прядями, волосы, а глаза закрыты. Она спала. Мальчик - полненький здоровячок, но какой-то и слабенький одновременно. Кричал без перерыва. Разбудил всех грудничков, находившихся в палате новорожденных. Мне казалось, что ничего прекраснее я в жизни своей не видел. Даже когда родились мои собственные дети, я не испытывал столь сильного волнения. Наконец-то! Я стал дедом! Они меня будут ласково называть «дедуся», а я их буду непременно баловать. Буду просить их мамаш пожить вместе с ними в моем доме. Он такой большой, просторный, я им выделю специально весь второй этаж, буду готовить вкусные блюда, одарю драгоценностями... За испытанное волнение. За пережитые чувства, которые невозможно описать...

Но счастье быстро померкло. Вердикт был неумолим и жесток. Оба ребенка оказались больными. И болезнь их была наследственной. Я не понял смысл этого несчастья. Мне просто сказали, что болезнь эта проявляется через поколение, а это значит, что одна из их бабушек, по меньшей мере, страдала этим заболеванием...

Старший сын немедленно начал дешифровку этого скрытого зла. Как это получилось, что оба его родителя были здоровыми, а ребенок его страдал «наследственным» заболеванием? Логично представить, что кто-то из них - мать или отец - не были настоящими его родителями. И он стал вспоминать о каких-то наших с женой «перешептываниях», о каких-то «подозрительных разговорах», подслушанных им, каких-то «неясных» словах и т.д., и вдруг он решил, что все его несчастье исходит от меня, что я чего-то скрываю, и он потребовал разъяснений, мужского разговора с глазу на глаз.

Я был подавлен, не знал, с чего начать, за что уцепиться. Сын весь пылал гневом, лицо его стало красным. А я что-то бормотал о матери, которая «не его родная мать», но так и не смог выпутаться

из этой истории. Все мои попытки что-то ему объяснить были тщетны, я не мог связать концы с концами. Я был абсолютно беззащитен. А его словно прорвало. Все, что копилось в его душе годами, выплеснулось наружу в одно мгновение. Он хлопнул дверью и ушел из дома. Сказал, что не желает больше меня видеть. И что я никогда не увижу ни его, ни других своих детей... Я узнал позже, что он разыскал имя своей настоящей матери и матери других моих детей, что обнаружил родство этих женщин со мной, узнал, чем они болели и как умерли в ужасных муках... Потом встретился с моими братьями и сестрами, своими дядями и тетками, и они с нескрываемым удовольствием выслушали его почти неправдоподобный рассказ (столь ужасен он был) о том несчастье, которое нас постигло. Наконец-то их брату не повезло! А ведь такой богатый! Самый богатый из них!...

Моя сестра Мария воспользовалась моим горем, чтобы посеять в душах моих родственников сомнение в праведности моего богатства и в том, действительно ли наследство нашего отца было поделено мной правильно. Она не переставала твердить, что несправедливость должна быть наказана, что крах, который меня ждет, - заслуженный, потому что я «украл деньги у сирот». Слово было сказано: «Украл». Значит, я - вор. И все мое богатство - плод моего воровства. Отсюда и неожиданная для всех роскошь, в которой я жил.

Они все собрались и объединились против меня. Мой старший сын знал комбинацию цифр в замке моего сейфа, с помощью которой он открывался. Движимый гневом и подстрекаемый своими дядями и тетками, он ворвался в мою спальню, открыл пещеру Али-Бабы и все забрал. Все документы на право владения и моими, и моего отца землями, домами, магазинами. Все драгоценности, все деньги. На их место положил письмо, которое начиналось словами: «Вор отворован». Дальше он написал грубо, но прочувствованно. Рассказал всю нашу историю, словно басню Лафонтена о хитрой лисице и глупых овцах, белых, как снег, которые ели зеленую траву, опустив головы, не видя ничего вокруг, не замечая опасности, кото-

рая их подстерегала. Паслись себе на лугах, где паслись их предки, и не ведали о том, что скоро будут сами съедены хитрой лисой... А еще сын мне написал, что он не простит меня никогда, ненавидит мой эгоизм и мою жадность...

Читая это письмо, я почувствовал себя плохо. Заболело сердце. Возможно, он и прав, но теперь уже поздно раскаиваться. У меня все болело внутри, сердце едва билось. Я потерял сознание, очнулся в кровати. Рядом стояли врач с испуганным лицом, прислуга и мой шофер. Какой печальный конец! Мой персонал пытался сообщить обо мне моим сестрам и братьям, моим детям. Но никто из них не захотел ни разговаривать, ни придти сюда...

Но, наказав меня, господь продлил дни моей жизни. И с каждым прожитым днем я вновь вспоминаю о том, как я разрушил и сломал многие жизни. Жизни тех, кого так любил...

Дети мои стали богатыми. И это согревает мое сердце. Но я не могу радоваться за них вместе с ними, не могу приласкать своих внуков. Я всеми теперь забыт. Мне уже 65 лет. Это все я написал для тебя, мой сын, чтобы объяснить всё, что случилось с нами, прежде чем я умру. Всю эту историю я хранил в глубине души своей. Те страницы моей жизни, которые разрушили и меня, и все мои связи с вами, моими детьми, моими братьями и сестрами. Эти страницы полны и слез, и горечи, и бессмыслицы. Но я хочу, чтобы ты все знал, чтобы ты понял меня, чтобы ты узнал всю правду именно от меня. Меня никто не заставляет тебе писать. Вообще никто не берет мою руку в свою. Никто не приходит. Никто не подносит лекарство. Я потихоньку умираю. Тебя мне недостает. И твоего брата тоже. О жене своей думаю часто. Ее мне не хватает. И моих дочерей тоже.

Прощай, мой сын.

*Перевод с французского
д.ф.н. С.В. ПРОЖОГИНОЙ*